
ГРЕКИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ВАВИЛОНИИ

(По данным просопографии)

Эллинистическая Вавилония знала два поколения исследователей. Ученые-классики, первыми обратившиеся к изучению этого периода истории страны, видели в ней прежде всего греческую колонию и не сомневались в том, что степень эллинизации Вавилонии была высока. Пришедшие им на смену ассириологи утверждают, что влияние греков на жизнь и культуру Вавилонии не было значительным, а сводилось, в основном, к политической гегемонии, древняя же культура страны переживает своего

рода ренессанс¹. Существование столь разных точек зрения неудивительно, если вспомнить, что в глиптике этого времени чисто вавилонские астральные мотивы чередуются с изображениями греческих богов; в архитектуре Вавилона и Дура-Эвропос очевидно греческое влияние, в Уруке же в селевкидское время в традициях старой архитектуры построен целый комплекс храмов, посвященных ставшему в то время популярным местному богу небес Ану; число дошедших до нас клинописных табличек эллинистического времени только из Урука превышает 500, однако сотни глиняных булл и печатей с греческими надписями свидетельствуют о том, что документация велась и на греческом языке.

В Вавилонии, в отличие от многих других областей Селевкидского царства, греки столкнулись с культурой гораздо более древней, чем их собственная, но при этом чуждой им и совершенно неизвестной. Поэтому особенно интересно проследить, как складывались отношения завоевателей с местным населением, играли ли греки ведущую роль во всех сферах жизни страны, как считал М. Ростовцев², или Вавилония, находясь под политическим господством греков, «полонила своего победителя» и смогла не только противостоять влиянию греческой культуры, но и обогатить ее своими достижениями. Пролить свет на этот вопрос могут не только археологические находки, но и конкретные свидетельства об отдельных греках из эллинистической Вавилонии: времени и месте их жизни, роде занятий, статусе, связях с местным населением. Б. Осулье еще в 1909 г. призывал эпиграфистов составить просопографию греков на Востоке, в частности в Вавилонии³, с такой же просьбой обратился он и к ассириологам. Однако этот призыв многие десятилетия не находил отклика. Первая и, насколько нам известно, единственная работа, специально посвященная этому вопросу, принадлежит Г. Х. Саркисяну⁴, давшему исчерпывающий анализ сведений о греках, встречающихся в клинописных контрактах из Урука. Грекоязычный же материал, гораздо более обширный, чем клинописный, до сих пор почти не привлекал внимания исследователей. Источники по эллинистической Вавилонии скудные и одновременно разнообразны, поэтому необходимо объединить их. Наша работа и представляет собой попытку составить просопографию греков, живших в эллинистической Вавилонии, используя весь комплекс письменных источников, относящихся к этому периоду истории страны. К этим источникам относятся: свидетельства греческих и римских авторов, эпиграфический материал, найденные в Уруке и некоторых других городах клинописные тексты, значительную часть которых составляют документы социально-экономического характера (контракты). Контрастность двух основных групп источников (нарративных и клинописных) обуславливает и совершенно разный характер персоналий: историки, писавшие для потомков, упоминают правителей и людей, более или менее выдающихся; в клинописных же контрактах мы встречаем рядовых людей, имена которых по чистой случайности сохранились на века.

При составлении просопографии не включались цари-Селевкиды и члены их семей. В работе приведены сведения и о греках из Вавилонии, живших в первые века новой эры, т. е. за рамками эллинистического периода.

1. *Греки по античным источникам.* На фоне крайне скудных упоминаний о греках из Вавилонии выделяются свидетельства о *Диогене Вавилоняanine* по прозвищу Стоик, несомненно, самой крупной фигуре среди

¹ Oelsner J. Gesellschaft und Wirtschaft des seleukidischen Babylonien.— Klio, 1981, 63/1, S. 39.

² Rostovtzeff M. The Social and Economic History of Hellenistic World. V. I. Oxf., 1941, p. V.

³ Haussoullier B. Inscriptions grecques de Babylone.— Klio, 1909, 9, p. 361.

⁴ Саркисян Г. Х. Греческая ономастика в Уруке и проблема Graeco-Babylonia-ca.— В сб.: Древний Восток, 1976, 2, с. 181—217.

вавилонских греков. Его имя встречается у многих, в том числе христианских, авторов⁵. Диоген (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.), сын Артемидора (*Index stoicorum Herculensis*, 48), родился в Селевкии-на-Тигре⁶, однако покинул родину, связав свою жизнь с Афинами. Диоген, как видно из его прозвища, принадлежал к школе стоиков — *magnus et gravis stoicus* называет его Цицерон (*De offic.* III, 51). Ученик Хрисиппа⁷, он впоследствии сам возглавил стоическую школу (*Ind. stoic. Herc.*, 48) и был учителем знаменитого Панэтия⁸. Труды Диогена до нас не дошли, но, судя по сохранившимся названиям и фрагментам некоторых из них, круг интересов философа был довольно широк, особенно же значительное влияние оказал он на развитие грамматических учений. Несмотря на свое прозвище «Вавилонянин», Диоген был и воспринимался современниками и потомками как греческий философ, на связь его с вавилонской наукой указывает, быть может, лишь одно свидетельство. Цицерон, глубоко уважавший и часто цитировавший Вавилонянина, по его же собственным словам, был не в состоянии понять, как этот *vir optimus* мог соглашаться с «халдеями» в том, что природу человека определяют звезды (*Cic., De divin.* II, 91). «Халдеями» греки первоначально называли вавилонских жрецов и ученых, и, хотя в римское время термин приобретает более широкое значение и относится ко всем астрологам и прорицателям, не исключено, что нить от этой уступки Диогена «халдеям» ведет в родную ему Вавилонию. Впрочем, в эллинистическое время, как известно, астрологические учения приобретают в Греции большую популярность, и Диоген был не первым и не единственным стоиком, испытавшим их влияние.

Среди многочисленных учеников Диогена был другой вавилонский грек Аполлодор из Селевкии-на-Тигре (II в. до н. э.), тоже стоик⁹, имевший, по свидетельству Диогена Лаэртца, собственную школу (*Diog. Laert.*, VII, 64, 84). Деятельность Аполлодора, как и его знаменитого учителя, была связана с Афинами.

Афиной называет неизвестного нам из других источников второго Диогена из Селевкии-на-Тигре (II в. до н. э.), завистливого, алчного и злоречивого философа-эпикурейца, поплатившегося за свой дурной нрав жизнью.

Из Селевкии-на-Тигре происходил и Селевк (II в. до н. э.)¹⁰, выдающийся астроном своего времени. Селевк утверждал, что вселенная бесконечна (*Plut., De plac. philos.* II, 1), и был единственным сторонником гениальной, но не имевшей успеха у современников гелиоцентрической гипотезы Аристарха Самосского (*Plut., Plat. quest.* VII, 1). В отличие от Диогена и Аполлодора, живших в Афинах и не имевших, по-видимому, ничего общего с Вавилонией кроме рождения, Селевк был связан с местными учеными. Страбон, рассказывая о «халдеях», т. е., как он сам тут же объясняет, вавилонских философах и астрономах, упоминает наряду с вавилонскими учеными и Селевка: «Селевк из Селевкии также халдей» (*Strabo*, XVI, 1, 6). Это замечание заставило многих исследователей видеть в Селевке жителя Вавилонии¹¹. Однако, хотя Страбон и имел смутное представление о существовании «какого-то племени халдеев», в данном

⁵ Свидетельства и фрагменты: SVF, v. III, Lipsiae, 1903, p. 210—243.

⁶ *Strabo*, XVI, 1, 16; *Ind. stoic. Herc.*, 48 (SVF, v. III, p. 210, № 3); *Diog. Laert.*, VI, 81.

⁷ *Cic.*, *De divin.* I, 6; *Ind. stoic. Herc.*, 48; *Galen.*, *Hist. phil.* 3 (DG, p. 600).

⁸ *Ind. stoic. Herc.*, 51 (SVF, v. III, p. 211, № 14).

⁹ Свидетельства и фрагменты: SVF, v. III, Lipsiae, 1903, p. 259—261.

¹⁰ Селевка называют Селевком из Селевкии (*Strabo*, XVI, 1, 6), Селевком Вавилонским (*Strabo*, I, 1, 9) и Селевком из области Красного моря (*Strabo*, III, 5, 9; *Aet. Plac.*, II, 1, 5 — DG, p. 328).

¹¹ История древнего мира. Т. II. М., 1982, с. 379; *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949, с. 268; *Meyer Ed.* *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*. В., 1925, S. 29.

случае, по его же собственным словам, халдей — вавилонский философ или ученый, и принадлежность Селевка к халдеям явно не этническая. По-видимому, занятия астрономией и математикой сблизили Селевка с вавилонской наукой, авторитет которой в этих областях греки всегда признавали, однако нет никаких оснований считать Селевка вавилонянином. Он родился в Селевкий-на-Тигре, носил греческое имя, в его смелых гипотезах видна органическая связь с греческой натурфилософией. Селевк писал по-гречески: ἀντιγεγραφεὶς Κράτησι (Aët., III, 17, 9)¹², ему были хорошо известны достижения греческих ученых: Аристарха Самосского, Кратета; с другой стороны, на него самого ссылается Гиппарх (Strabo, I, 1, 9), который, надо полагать, читал какие-то труды Селевка. Все имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Селевке говорят в пользу его принадлежности к грекам и греческой науке, на связь же с вавилонянами указывает лишь туманное свидетельство Страбона.

Диоген Лаэртций упоминает скептика *Евфранора Селевкийского* (Diog. Laert., IX, 115, 116), который, возможно, не был вавилонянином, так как Селевкий известно несколько, а никакими другими сведениями об этом философе мы не располагаем. Евфранор, по словам Лаэртция, был учеником Тимона Флиунтского и, следовательно, жил во второй половине III в. до н. э.

Последний грек, которого мы упомянем в связи с Селевкий-на-Тигре, жил там очень недолго и был афинянином по происхождению, однако история, вскользь рассказанная о нем Плутархом, не лишена для нас интереса. В начале I в. до н. э. в Селевкию прибыл изгнанный из Афин ритор *Амфикрат* и в ответ на просьбу давать уроки красноречия «кичливо и презрительно» ответил: «В лохани дельфин не уместится»¹³ (Plut., Luc. XXII). Перед нами — яркий образец глубокого презрения афинских образованных кругов к провинциальной, «варварской» Селевкий. С другой стороны, этот рассказ служит свидетельством того, что в Селевкий были люди, тянувшиеся к греческой культуре и, в частности, к риторике — искусству чисто греческому, вавилонянам же почти неизвестному.

Сохранились имена нескольких греческих писателей из других городов Вавилонии и Месопотамии. Артемита была родиной историка *Аполлодора* (II в. до н. э.), автора «Парфянской истории», послужившей одним из источников «Географии» Страбона¹⁴. «Парфянская история» состояла по меньшей мере из четырех книг, так как четвертую книгу этого сочинения цитирует Афиней (XV, 682 с).

Из Харакса происходит географ и историк *Исидор Харакский* (I в. н. э.), автор дошедшего до нас небольшого сочинения «Парфянские стоянки»¹⁵ — описания пути от Зевгмы на Евфрате до Александрии в Арахосии. Вероятно, этого же автора упоминают Афиней (III, 93d—94d), Лукиан (Mascob. 15, 17), Марциан из Гераклеи¹⁶ и особенно часто Плиний Старший¹⁷. Плиний называет и другого географа из Харакса — некоего Дионисия (Plin., NH, VI, 141).

Родной город остальных греческих писателей из Вавилонии неизвестен. Афиней мы обязаны сведениями о грамматике *Геродике Вавилонском* (II в. до н. э.), авторе по крайней мере трех сочинений, посвященных греческой литературе, прежде всего комедии¹⁸. Афиней же сохранил для нас полную яда эпиграмму Геродика (Athen., V, 222a), направленную против последователей Аристарха Самофракийского, знаменитого алек-

¹² DG, p. 383.

¹³ Цитируется по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. Т. II. М., 1963, с. 190 сл.

¹⁴ *Strabo*. II, 5, 12; XI, 7, 3; 9, 1; 11, 1; 11, 7; 13, 6; XV, 1, 2.

¹⁵ *Geographi Graeci Minores*. Т. I. Parisiis, 1855, p. 244—255.

¹⁶ *Ibid.*, p. 565.

¹⁷ *Plin.*, NH, II, 242, 245, 246; IV, 9, 102, 121; V, 40, 47, 127, 129, 132, 135, 136, 139, 150.

¹⁸ *Athen.*, V, 215f, 219c; VI, 234d; VIII, 340e; XIII, 586a, 591c.

сандрийского грамматика: пусть бегут из Эллады эти трусливые, «жужжащие по углам», «односложные» «аристарховцы», ему же, Геродику, пусть останется Эллада и «дитя богов» Вавилон. Геродик, получивший у Афиней эпитет Κρατήσιος был последователем Кратета Малосского, главы враждебной александрийцам пергамской школы. Эта эпиграмма, столь ярко характеризующая Геродика, заставляет думать, что его родиной и был «дитя богов» Вавилон¹⁹. Творчество же Геродика, как и многих его соотечественников, было тесно связано с греческой литературой, прежде всего Гомером и комедиографами, он известен схолиастам Гомера (Schol. ad Il., XIII, 29; XX, 53; XXII, 385) и Аристофана (Schol. ad Ran., 1028).

Афиней упоминает и автора сочинения «О Кизике» Агафокла Вавилонского (Athen., I, 30a; IX, 375f; XII, 515a), отождествляемого обычно с историком Агафоклом Кизикским (Athen., XIV, 649f)²⁰, незначительные фрагменты сочинений которого дошли до наших дней²¹. Наконец, ученым, имя которого сохранилось на века, был Тевкр Вавилонский, лицо столь же загадочное, сколь и знаменитое. Тевкр, рассказавший грекам о знаках зодиака, известен нам лишь по фрагментам, дошедшим в переложении некоего Ритория Египетского, жившего в V—VI вв. н. э. Тевкра цитируют Порфирий и Пселл²², его труды были переведены на персидский язык²³, имя Тевкра встречается у арабских средневековых авторов²⁴, его влияние заметно в трудах Ибн Эзры²⁵. Однако о жизни Тевкра нам ничего не известно, условно время его жизни относят к I в. н. э. Не исключено, что этот ученый, носивший имя гомеровского героя, был тем не менее не греком, а вавилонянином, вторым Беросом, изложившим по-гречески восточные астрологические учения. Впрочем, был ли Тевкр греком, изучавшим астрологию, или вавилонянином, писавшим по-гречески, в любом случае для греков он — один из столь немногих известных нам ученых, объединивших достижения греческой и вавилонской науки.

Плутарх сообщает, что известный стоик Архедем Тарсийский (II в. до н. э.?) переехал из Афин в Вавилон и имел там последователей (Plut., De exil. 14, 605B). Ряд философов, «вавилонян» и «ассирийцев» (возможно, имелись в виду сирийцы), встречаются у Филострата. Личности эти, скорее всего полулегендарные, хотя и носили греко-латинские имена, возможно, не были греками, но упоминания о них служат косвенным свидетельством того, что философ — выходец из Вавилонии — не был в Риме, как и в Греции, явлением исключительным.

Не лишним будет упомянуть здесь о Ямвлихе (II в. н. э.), утверждавшем, что он происходит из Вавилонии (Iambli., X) и писавшем по-гречески. Благодаря Фотию нам известна «Вавилонская повесть» Ямвлиха²⁶, не имеющая, впрочем, с Вавилонией почти ничего общего, кроме своего названия.

¹⁹ Само прозвище «Вавилонский» указывает на его происхождение из Вавилонии, а не обязательно из Вавилона, так как Диоген Стоик и Селевк, родившиеся в Селевкии, тоже имели прозвище «Вавилонянин» (Strabo, XVI, 1, 16).

²⁰ RE, Agathokles, № 24. Автор этой статьи об Агафокле считает прозвище «Вавилонянин» случайным и относит время жизни историка к рубежу V—VI вв. до н. э. Это вызвало возражения Э. Мейера, считавшего, что Агафокл жил в III в. до н. э. в Вавилонии, а затем уехал в Кизик и написал там историю этого города: Meyer Ed. Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien. В., 1925, S. 24. Однако Афиней (XIV, 649f) называет родиной Агафокла Кизик, поэтому можно предположить, что родившийся в Кизике Агафокл впоследствии переехал в Вавилонию. Мнению о том, что Агафокл жил в конце V в. до н. э., противоречит, на наш взгляд, тот факт, что он посвятил одно из своих сочинений истории Рима (FHG, t. IV, p. 290). Такой труд, скорее всего, был предпринят в то время, когда Рим уже обратил на себя внимание всего эллинистического мира.

²¹ FHG, v. IV, p. 288—290.

²² Boll F. Sphaera. Lpz, 1903, S. 7—8.

²³ Ibid., S. 16.

²⁴ Ibid., S. 10, 413, 415.

²⁵ Ibid., S. 419.

²⁶ Habrich E. Iamblichi Babyloniacorum reliquia. Lipsiae, 1960.

Нарративные источники, таким образом, свидетельствуют о существовании в эллинистической Вавилонии греческой науки и культуры. Материал, однако, не дает оснований для иллюзий: столица Вавилонии не идет ни в какое сравнение, например, с Александрией Египетской, ставшей благодаря целенаправленной политике Птолемеев центром греческой науки и культуры эллинистического времени, куда съезжались многие выдающиеся поэты и ученые. Из Селевкии же, как из глубокой провинции, многие более или менее значительные ученые старались уехать. Относительно мировоззрения и интеллектуальных интересов образованных кругов эллинистической Вавилонии, при всей скудости наших сведений, можно сказать, что в их среде наиболее популярной философией был стоицизм. Стоиками были наиболее значительные философы из эллинистической Вавилонии: Диоген и Аполлодор из Селевкии, Геродик, принадлежавший к стоической школе Кратета Малосского; стоик Архедем Тарсийский нашел в Вавилоне почитателей. Афиней сообщает также, что Александр Балас окружил вниманием эпикурейца Диогена, хотя предпочитал стоицизм. Бросается в глаза то, что большинство упомянутых лиц происходит именно из основанной греками и македонянами Селевкии, остальные же — из других греческих городов: Артемиды, Харакса и, возможно, Вавилона, значительную часть населения которого, как мы ниже покажем, составляли греки. Основанные греками города, таким образом, становятся оазисами греческой культуры в Вавилонии, причем культура эта была частью эллинской культуры, и если ее нельзя назвать чисто греческой, то не потому, что в ней заметны конкретные следы вавилонского влияния, а потому, что греческая культура в эллинистическую эпоху вообще не была «чистой», она не могла не впитать в себя достижения восточной, в частности вавилонской, науки и культуры и прежде всего в области, особенно привлекательной для греков того времени — астрологии.

Большую группу греков, упомянутых в нарративных источниках в связи с Вавилонией, составляют стратеги войска Александра Македонского и диадочов. Александр мечтал сделать Вавилон столицей своей империи, именно сюда вернулся он с оставшимся войском после окончания похода. Внезапная смерть Александра в Вавилоне превратила город в арену многолетней борьбы диадочов, вследствие чего там продолжали находиться греческие войска. Эти обстоятельства вкупе с благожелательным отношением жителей Вавилона к воинам Александра и Селевка и славой большого и утопающего в роскоши города, по-видимому, способствовали концентрации там в конце IV в. до н. э. греков, хотя бы малая часть которых неминуемо должна была осесть в Вавилоне навсегда.

Александр вступил в Вавилон в октябре 331 г. до н. э. и примерно через месяц покинул город, назначив стратегами Вавилонии и всех областей до Киликии своего гетайра *Аполлодора из Амфиполя*²⁷ и *Менета из Пеллы* (Diod., XVII, 64, 5; Curt., V, 1, 43)²⁸, дав им две тысячи солдат. Для охраны цитадели был оставлен *Агафон из Пидны* с 700 солдатами (Diod., XVII, 64, 5) и 300 наемными командирами (Curt., V, 1, 43). *Асклепидору*, сыну Филона, Александр поручил сбор податей (Arr., Anab. III, 16, 4). Казна была доверена печально знаменитому *Гарпалу*, который до возвращения Александра успел промотать большую часть денег и, прихватив оставшиеся, бежал в Грецию²⁹. Во время своего пребывания в Вавилонии Гарпал пытался привить там вывезенные из Греции растения, в частности плющ, но здесь его преследовали неудачи³⁰. Ряд авторов³¹

²⁷ Arr. Anab. III, 16, 4; VII, 18, 1; Diod., XVII, 64, 5; Plut., Alex. 73; Curt., V, 1, 43.

²⁸ У Арриана (III, 16, 9) Менет назван гипархом Сирии, Финикии и Киликии, без упоминания Вавилонии.

²⁹ Diod., XVII, 108, 4—7; Arr., Anab. III, 19, 7; Plut., Alex. 41; Plut., Demoth. 25; Athen., XIII, 586c, 594d—595d.

³⁰ Plut., Alex. 35; Quest. conv. 648c, d; Theophr., Hist. plant. IV, 4, 1.

³¹ Arr., Anab. VII, 18; Plut., Alex. 73; App., Bel. civ. II, 152).

упоминают *Пифагора*, брата уже известного нам стратега Аполлодора из Амфиополя, который жил в Вавилоне (!) и предсказывал будущее по внутренностям животных. Гадая по просьбе Аполлодора, Пифагор предсказал смерть Гефестону, Александру, а позже — Пердикке и Антигону. Дурным предзнаменованием было отсутствие части печени животного. Этому способу гадания Пифагор, скорее всего, научился у вавилонских прорицателей.

При разделе сатрапий в Вавилоне после смерти Александра Месопотамию получает *Аркесилай*, Вавилонию — *Архон* (Diod., XVIII, 3, 3; Just., XIII, 4, 23)³². При разделе империи в Трипарадисе (324 г. до н. э.) Месопотамия и Арбелита достались *Амфимаху* (Diod., XVIII, 39, 6; XIX, 27, 4; Arr., Succ. Alex. 35), в Вавилонии же утвердился Селевк. После бегства Селевка в Египет Антигон назначает наместником Вавилона *Пифона*, сына Агенора (Diod., XIX, 56, 4). Вернувшегося в 312 г. до н. э. в Вавилон Селевка вместе с местными жителями встречал и перешедший на его сторону диоикет *Полиарх* с более чем тысячным войском (Diod., XIX, 91, 3). Сторонники же Антигона скрылись в цитадели, охрана которой была поручена *Дифилу* (Diod., XIX, 91, 3). Антигон, узнав о том, что Селевк вновь овладел Вавилоном, послал туда своего сына Деметрия, который, взяв одну цитадель, ушел из города, оставив там во главе шеститысячного войска своего друга *Архелая* с приказом овладеть второй цитаделью (Diod., XIX, 100, 7).

Несколько греков более позднего времени, встречающихся в нарративных источниках, — это правители городов. Полибий (V, 48, 12) упоминает эпистата Селевкии *Диомедонта*, бежавшего при приближении к городу мятежника Молона, восставшего против Антиоха Великого. Аппиан (Суг. 45, 47) рассказывает о *Тимархе*, фаворите Антиоха Эпифана, назначенного им на должность правителя Вавилона. Впоследствии Тимарх при поддержке римского сената объявил себя царем, поднял восстание против преемника Антиоха Деметрия³³ и был казнен им (App., Суг. 47). Деметрий же по почину вавилонян, уставших от притеснений Тимарха, получил за это прозвище «Сотер» (ibid.). У Плутарха (Сас. 17) мы встречаем упоминание об *Аполлонии* (I в. до н. э.), правителе Зенодотиона, единственного, по словам автора, из месопотамских городов, оказавших сопротивление войску Красса.

Хорошо известно, что в эллинистической Вавилонии каждый город имел своего наместника-эпистата, это же подтверждают и надписи. Однако, вероятно, лишь *основанные греками* города имели эпистата-грека, так как известные из клинописных строительных надписей правители Урука Ану-убаллит-Никарх и Ану-убаллит-Кефалон принадлежали к древним урукским родам.

Источники называют еще одного греческого правителя в Месопотамии. Плиний Старший сообщает, что город Антиохия (Антиохия в Мигдонии)³⁴ был основан *Никанором*, *префектом Месопотамии* (Plin., NH, VI, 117). С другой стороны, Исидор Харакский упоминает Никанора, основателя Дура-Эвропос (Isid. Char., Mans. Parth. I), который, вполне вероятно, был тем же самым лицом. Этого Никанора обычно отождествляют с хорошо известным Никанором, военачальником времени борьбы диадохов³⁵. Историки сообщают, что Никанор-диадох при разделе империи в Трипарадисе получил Кашадокию³⁶, а позже в награду за помощь, оказанную Антигону, и Мидию³⁷. Источники, как мы видели, не только не называют этого Никанора префектом Месопотамии, но даже не связывают его с этой

³² Дексипп называет вместо Аркесилая — Архелая: FHG, t. III, p. 668, § 1.

³³ Фрагменты Диодора: FHG, t. II, pref. XI, XIII.

³⁴ Кошелев Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 86.

³⁵ The Cambridge Ancient History. V, VI. Camb., 1927, p. 430.

³⁶ Diod., XVIII, 39, 6; App., Mithr. 8; Arr., Succ. Alex. 37.

³⁷ Diod., XIX, 100, 3; XIX, 92, 1; App., Суг. 55.

областью, сатрапами которой были Аркесилай и Амфимах. Кроме того, как остроумно заметил Ф. Кюмон, основание Антиохии не могло произойти до начала правления Селевка, так как город носил имя его наследника³⁸. О том же, что Никанор был префектом Месопотамии после окончательного утверждения Селевка в Вавилоне в 312 г. до н. э., не может быть и речи, так как, по свидетельству Аппиана (Syr. 55), он был убит в этом же году Селевком. Маловероятно поэтому, что Никанор, названный Плинием префектом Месопотамии и основавший там ряд городов, и военачальник IV в. до н. э., известный по сообщениям Диодора и Аппиана, — одно и то же лицо. Между тем в клинописном тексте из Вавилона встречается *Bei-ibni, šatammu* (управитель) храма Эсагила, названный *ragdu Nikanuru* — «доверенный Никанора» (СТ XLIX, 118 : 2). Текст датирован 50 г. селевкидской эры (262 г. до н. э.). Кто такой Никанор, неизвестно, но несомненно, что это лицо высокопоставленное, так как его заместителем назван глава крупнейшего вавилонского храма. На наш взгляд, не до конца исключена возможность того, что клинописный Никанор и упомянутый Плинием Никанор, префект Месопотамии, — одно и то же лицо, управлявшее этой областью Селевкидского царства в первой половине III в. до н. э. Разумеется, без более веских доказательств эта гипотеза остается не более чем предположением.

Афиней упоминает еще одного грека из Вавилонии — *Лисимаха* (I в. до н. э.), жившего в Селевкии-на-Тигре или в Вавилоне, человека сказочного богатства (Athen., XI, 466b, c). Лисимах, пригласив на пир парфянского наместника Вавилонии Гимера, подарил ему и каждому из его трехсот спутников по серебряному кубку.

II. *Греки по эпиграфическим источникам.* Греческие надписи, найденные на территории Вавилона, Дюра-Эвропос, Селевкии-на-Тигре и в некоторых других местах, дополняют нарративные источники, приоткрывая завесу над повседневной жизнью этих городов.

Надписи из Вавилона. Все известные из Вавилона надписи на греческом языке относятся к концу селевкидского — парфянскому периодам, точные даты в большинстве случаев не сохранились. *Демократу*, сыну Биттака, стратегу и эписпату Вавилона, посвящена недатированная надпись³⁹, сообщающая о том, что за его достоинства полис доверил ему и должность коменданта цитадели. Демократ совмещал функции стратега и эписпата города, что, по-видимому, было в эллинистической Вавилонии обычным явлением. На гире, служившей эталоном веса, упомянуто еще одно должностное лицо — агораном *Феодосий*, сын Андромаха⁴⁰. К 109 г. до н. э. относится список победителей в соревнованиях и в греческом гимнасии⁴¹. Надпись содержит десять имен победителей, имя казначея гимнасия *Ди . . .*, сына Артемидора, пожертвовавшего деньги на награды, и гимнасиарха, от имени которого сохранился лишь один слог. Пожертвования богатых людей городу были, видимо, в эллинистическом Вавилоне нередким явлением. Так, во фрагментарной надписи 165 г. до н. э. сообщается, что некий *Филипп Диа . . .* (OGIS, № 253) сделал пожертвование по случаю праздника харистирий. Во фрагменте надписи из Вавилона, датируемой по форме букв II в. до н. э.⁴², упоминается *Диоскуриад* в связи с театром и со сценой (по-видимому, Диоскуриад отремонтировал театр). Функционирование таких типично греческих учреждений, как гимнасий и театр, даже в парфянское время свидетельствует о том, что греческое население города на протяжении всего эллинистического периода было значительным и хранило свои обычаи. Сама традиция

³⁸ Cumont F. Fouilles de Doura-Europos. T. I. P., 1926, p. XVIII.

³⁹ OGIS, № 254.

⁴⁰ Dumont A. Sur poids Grec trouvé à Babylone.— Revue archéologique. Nouv. Sér., 1869, v. 20, p. 191—207.

⁴¹ Haussoullier. Inscriptions grecques..., № 1.

⁴² Wetzel F., Schmidt E., Mallowitz A. Das Babylon der Spätzeit. B., 1957, S. 50.

делать услуги городу, а затем увековечивать свое имя в надписях — тоже чисто греческая.

Еще больший интерес, чем эти официальные памятники, представляет происходящий из Вавилона черепок с нацарапанной на нем коротенькой надписью, которую издавший ее Б. Осулье считал эпитафией⁴³: Ἀριστέας ὡς ἄλλο ὄνομα Ἀρδουβήλτειος⁴⁴ (Аристей, другое имя которого Арду-Белти). Особого внимания заслуживает оборот «другое имя которого». Обычно второе имя в греческих текстах вводилось причастием ἐπικληθεὶς или выражением ὁ καὶ⁴⁵. Слова же ὡς ἄλλο ὄνομα — калька с аккадского ša šum-šu šanū, хорошо знакомого нам по урукским текстам, где нередко встречаются люди с двойным вавилонским и греческим именем. Выражение не было заимствовано из аккадского языка в греческий, а было переведено автором этой конкретной надписи, так как в надписях из Дура-Эвропос и даже в поздней надписи из храма Гареуса в Уруке (см. ниже) второе имя вводится причастием ἐπιχωνόμενος. Надпись таит в себе немало загадок. Удивительно, что едва ли не единственный известный нам грек со вторым, вавилонским, именем происходит не из старых городов, мало подвергшихся эллинизации, а из Вавилона, ставшего в какой-то степени греческим городом. Калька с аккадского предполагает знание этого (давно уже мертвого!) языка автором надписи. Аристей, по-видимому, был тесно связан с местным населением страны. Фрагмент еще одной надписи⁴⁶ упоминает некоего *Артемидона* и его приближенных. Греческие имена на обломках найденных в Вавилоне сосудов⁴⁷ относятся, видимо, к ремесленникам с греческих островов, откуда была привезена керамика, и для нашей работы, следовательно, значения не имеют.

В *Селевкии-на-Тигре* найдена фрагментарная посвятельная надпись III в. до н. э.⁴⁸, содержащая имя казначея Отаса и названия должностей иеромнемона и агонотета (имена этих магистратов не сохранились). Еще несколько имен греков прочтено на предметах парфянского времени: штампе для кирпичей, гире, игральной кости и на ручках одиннадцати глиняных сосудов⁴⁹.

Неожиданным источником надписей с греческими именами оказалась *Ниневия*, где в храме бога Набу была найдена сделанная на камне цилиндрической формы надпись⁵⁰, в которой упомянут Аполлофан, сын Асклепиодора (по-видимому — посвятель), и Аполлоний, стратег и эпислат города. Не исключено, что тот же Аполлоний, названный на этот раз архонтом, встречается и в другой надписи⁵¹ из Ниневии, нацарапанной на обратной стороне алтаря, посвященного Салманасаром III семи богам. Видимо, на месте древней Ниневии существовало греческое поселение.

На двух буллах из *Урука*⁵² с надписью πλοῖον Εὐφράτου (имеется в виду налог на суда на Евфрате) встречаем имена Аполлодора и Герак[лида], возможно, царских чиновников.

⁴³ Haussoullier. Inscriptions grecques..., № 3.

⁴⁴ Существует два варианта прочтения конца надписи. Сам Осулье интерпретировал его как Ἀρδουβήλ Τειος, считая Аристей ионийцем с Теоса. Ему возражал П. Кошакер, читавший имя как Ἀρδουβηλτειος: Koschaker P. Zu den griechischen Rechtsurkunden aus Dura in Mesopotamia. — Zeitschrift der Savigny-stiftung. Rom. Abt., 46, 1926, S. 296, № 4. В дальнейшем мнения ученых разделились.

⁴⁵ Haussoullier. Inscriptions grecques..., p. 362.

⁴⁶ Wetzel, Schmidt, Mallowitz. Op. cit., S. 50.

⁴⁷ Ibid., S. 57—58.

⁴⁸ McDowell R. H. Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935, p. 258 f.

⁴⁹ Ibid., p. 252—256.

⁵⁰ Thompson R. C., Hutchinson R. W. The Excavations on the Temple of Nabû at Nineveh. — Archaeologia, 1929, v. 79, p. 140—142.

⁵¹ Postgate J. N. An Assyrian Altar from Nineveh. — Sumer, 1970, v. 26, p. 133—136.

⁵² Rostovtzeff M. Seleucid Babylonia: Bullae and Seals on Clay with Greek Inscriptions. — JCS, 1932, s. III, p. 436 (№ 65, 66).

Надписи и документы из Дура-Эвропос. В отличие от прочих городов Вавилонии, откуда дошло лишь несколько эпиграфических памятников эллинистического времени, надписи, найденные в Дура-Эвропос, исчисляются сотнями. Кроме того, в этом же городе было обнаружено несколько десятков документов на папирусе и пергаменте. Размеры нашей работы не позволяют перечислить всех греков из Дура-Эвропос, поэтому мы ограничимся попыткой дать лишь общую характеристику положения греков в Дура-Эвропос на основании просопографических данных. Надписи и документы из Дура-Эвропос охватывают период с начала II в. до н. э. до III в. н. э. и дают редкую возможность восстановить картину жизни города на протяжении многих веков. Подавляющее большинство надписей и документов относится уже к I—III вв. н. э., т. е. к тому времени, когда окончательно иссякают урукские клинописные тексты, умолкают греческие авторы, и надписи из Дура-Эвропос остаются едва ли не единственным источником, способным пролить свет на закат Вавилонии. Дура-Эвропос, расположенная на перекрестке торговых путей и привлекавшая торговцев из разных мест, естественно, отличалась от других городов Вавилонии, процессы смещения населения неизбежно должны были идти там гораздо интенсивнее, однако общие тенденции развития были, по-видимому, такими же, как и во всей Вавилонии.

*Пергаменты и папирусы*⁵³. Персонажи единственного сохранившегося контракта начала II в. до н. э.⁵⁴ — исключительно греки. Далее следует лагуна более чем в два века, за которые в жизни города, видимо, произошли значительные перемены. Известно лишь два контракта конца I в. н. э. В одном из них⁵⁵ все действующие лица — греки, негреческие (арамейские) имена носят лишь рабы. В другом контракте⁵⁶ тоже фигурируют греки, четверо сыновей потомственного гражданина города Полемократа, однако все они имеют вторые, арамейские имена. Во II в. н. э. происходят еще более разительные изменения. Участниками контрактов становятся лица с арамейскими и персидскими именами⁵⁷, они заключают сделки с греками и даже между собой, оформляя их при этом на греческом языке. Свидетелями чаще всего остаются греки, но в тех случаях, когда контрагенты носят арамейские или персидские имена, свидетелями тоже могут быть персы и арамеи. Некоторые местные жители носят греческие имена⁵⁸. По всей видимости, в замкнутую когда-то греческую общину проникли персы (парфяне?) и в основном арамеи. Однако греки и македоняне сохраняют за собой официальные должности и продолжают составлять высший слой общества. Почти исключительно греки названы телохраниителями и «первыми и избранными друзьями» царя. Стратегами и эпистатами города, чиновниками, жрецами-эпонимами тоже были греки. Документы из Дура-Эвропос показывают, что ситуация резко меняется в начале III в. н. э., а скорее всего, немного раньше, после того как город стал римским владением. Греки вообще исчезают из контрактов, действующими лицами в которых становятся римляне и арамеи. В III в. н. э. ономастика в документах из Дура-Эвропос представляет собой пеструю смесь латинских, арамейских, греческих имен, очень часто люди носят смешанные имена (латинское и греческое, римское и арамейское и т. д.).

Греки — участники сделок обычно названы *εὐρωπαῖος*, что, по-видимому, следует понимать как «гражданин Эвропоса». В позднее время «гражданин Эвропоса» мог жить и за пределами города. Так, в документе, да-

⁵³ Все найденные в Дура-Эвропос пергаменты и папирусы исследованы в работе: Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Excavations at Dura-Europos. Final Report, V, Pt. I. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959 (далее — Fin. Rep., V).

⁵⁴ Ibid., № 15, p. 84—91.

⁵⁵ Ibid., № 18, p. 98—104.

⁵⁶ Ibid., № 19, p. 104—109.

⁵⁷ Ibid., № 17, p. 93—98; № 20, p. 109—116; № 23, p. 120—122.

⁵⁸ Ibid., № 20, p. 109—116; № 23, p. 120—122.

тированном 180 г. э. н.⁵⁹, встречаем грека Лисия, который назван гражданином Эвропоса, живущим в деревне. Гражданкой Эвропоса названа и женщина⁶⁰. Различие между гражданином города и жителем его можно наблюдать на примере контрагента с греческим именем Лисий⁶¹ (отец персонажа носит арамейское имя), который назван не *Εὐρωπαῖος*, а *ἄπ' Εὐρωπῶν* «из Эвропоса». Вполне логично, что греки были полноправными гражданами Дура-Эвропос, а негреки — неполноправными его жителями. Однако в более позднее время положение меняется. В не полностью сохранившемся документе конца II в. н. э. мы встречаем ряд людей с персидскими и арамейскими именами, которые названы *Εὐρωπαῖοι*⁶². В римское время термин *Εὐρωπαῖος* вытесняется обозначением *Δουρηγός* «гражданин Дура». У греков — участников сделки II в. до н. э. (см. выше) приведено лишь имя отца, как и полагалось по греческому обычаю. Однако с I в. н. э. и позже греки-контрагенты (в отличие от свидетелей) обязательно называют имя не только отца, но и деда, а в ряде случаев и прадеда. По-видимому, это вызвано стремлением подчеркнуть свое греческое происхождение, сплотиться в то время, когда греческой общине грозило растворение среди негреческого окружения.

*Надписи из Дура-Эвропос*⁶³. Надписи, содержащие греческие имена, встречаются в храмах, на городских стенах и воротах, в жилых домах и на различных предметах. Впрочем, большинство надписей — это лишь имена без патронимии, представляющие интерес исключительно с точки зрения ономастики, поскольку установить этническое происхождение носителей этих имен по большей части невозможно. Датировка надписей часто условна, так как в большинстве случаев год в них не указан, несомненно лишь, что все надписи — поздние, многие относятся уже к римскому периоду. Самые ранние надписи датируются концом I в. до н. э.

Надписи из Дура-Эвропос подтверждают свидетельства документов из этого города. В последние годы I в. до н. э. и в начале I в. н. э. все имена в надписях — греческие, с конца I в. н. э. появляются арамейские имена и их количество с течением времени все увеличивается. Возможно, у некоторых греков были вторые, арамейские имена, а негреки часто имели греческие имена. Во II—III вв. н. э. греки и арамеи (иногда персы) часто стоят рядом в одних и тех же надписях. В позднее время нет и строгого разграничения местных и греческих храмов: на фресках из так называемого храма Пальмирских богов изображена семья потомственного жителя Эвропоса Конона⁶⁴, членов которой мы встречаем во многих надписях и документах из этого города, в храме же Артемиды встречаются надписи с арамейскими (иногда персидскими) именами, хотя основную массу «прихожан» составляли, по-видимому, женщины из старых греко-македонских семей. Негреческих имен в надписях встречается гораздо больше, чем в документах. Некоторые из них — персидские, подавляющее же большинство — арамейские. Многие из этих имен встречаются в пальмирских надписях⁶⁵. Существование тесных связей между Дура-Эвропос и Пальмирой не вызывает сомнения, однако не только пальмирские жители проникают в город в первые века новой эры. Встречаются такие же имена, как и в набатейских надписях⁶⁶, а кроме того, арабские

⁵⁹ Ibid., № 25, p. 126—133.

⁶⁰ Ibid., № 18, p. 98—104.

⁶¹ Ibid., № 23, p. 120—122.

⁶² Ibid., № 17 C, p. 94—95.

⁶³ Часть надписей из Дура-Эвропос сведена воедино и исследована в работе: Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). T. I—II. P., 1926 (далее — Cum). Надписи, обнаруженные после выхода в свет труда Кюмона, содержатся в предварительных отчетах о раскопках в Дура-Эвропос: The Excavations at Dura-Europos, Conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters. V. I—IX. New Haven, 1929—1952 (далее — Prel. Rep).

⁶⁴ Cum., II, tabl. XXXII, XXXV, XXXVI.

⁶⁵ Fin. Rep., V, p. 61.

⁶⁶ Cum., I, p. 343.

имена и названия племен, живших на Аравийском полуострове. Видимо, с юга в Дура-Эвропос проникают бедуины из пустыни, оседают там, а потом, скорее всего, проникают и в глубь страны.

Другая особенность надписей по сравнению с пергаменами и папирусами — большое количество встречающихся в них женских имен. Почти все надписи с женскими именами происходят из храма Артемиды и, очевидно, касаются нескольких наиболее значительных семей города. Эти имена — ценный источник наших сведений о браках в Дура-Эвропос. Женских имен, точно так же как и мужских, в каждой семье употребляется лишь несколько, и они передаются из поколения в поколение. Однако если мужчины в этих семьях обязательно носят греческие или македонские имена, женщины часто имеют арамейские. В некоторых случаях речь может идти о смешанном браке грека с коренной жительницей страны, сыновья от таких браков получали обычно имя по родственникам с отцовской стороны, дочери — с материнской. Однако в надписи середины II в. н. э. ⁶⁷ фигурирует Миканная, принадлежавшая и по отцу, и по матери ⁶⁸ к старым греческим семьям города, восходящим, по-видимому, к первым македонским колонистам. Кроме того, Миканная имела бабуку с материнской стороны с тем же именем ⁶⁹, а та, в свою очередь, тетку с отцовской стороны, которую тоже звали Миканной ⁷⁰. Таким образом, имя Миканная встречается в этой семье в нескольких поколениях и явно передается по наследству, как у мужчин той же семьи имена Селевки или Лисаний. В семье уже упомянутого Конона, вероятно, так же обстояло дело с другим арамейским именем — Битанайя. По всей видимости, арамейские имена, встречающиеся в старых македонских семьях, — это имена жен первых македонских колонистов Дура-Эвропос, которые, как и имена их мужей, продолжали жить в семьях их потомков на протяжении веков.

Многочисленные надписи из Дура-Эвропос позволяют судить о репертуаре греческих имен в городе. Круг имен, встречающихся в семьях потомков первых колонистов города, очень узок, имя передается от деда к внуку, от бабки к внучке. Большинство этих имен не собственно греческие, а македонские. Это обстоятельство подтверждает свидетельство Исидора Харакского о том, что Дура-Эвропос была основана македонянами (Isid. Char., Parth. Mans. I) ⁷¹. Вплоть до III в. н. э. остаются очень популярными имена царей Селевкидской династии — Селевка и Антиоха — и основателя города Никанора. Что же касается прочих имен, то, по-видимому, справедливо мнение о том, что наибольшим успехом пользуются те, значение которых совпадает с наиболее употребительными семитскими именами: Теодор, Диодот, Зенодот ⁷². Часто встречаются теофорные имена, в состав которых входят Аполлон, Артемида, Афина. Большая популярность имени Гелиодор объясняется широким распространением культа Солнца в Сирии ⁷³. Репертуар греческих имен в Дура-Эвропос показывает, что греческое население города, во всяком случае в позднее время, разделяло религиозные верования местных жителей. Однако еще раз следует подчеркнуть, что такого рода имена редко встречаются среди членов старых македонских семей города, верных именам своих предков.

Надписи показывают стремление македонских семей подчеркнуть статус и «чистоту» своего рода. Термин *Εὐρωπαῖος* встречается не только в официальных документах, что вполне понятно, но и в надписях из храмов и даже в надписях на воротах и укреплениях. Браки происходят, по-ви-

⁶⁷ Cum., I, № 78, p. 423.

⁶⁸ Мать Миканнай встречается в другой надписи: Cum., I, № 76, p. 423.

⁶⁹ Cum., I, № 75, p. 422.

⁷⁰ Cum., I, № 74, p. 422.

⁷¹ Cum., I, p. 342; Fin. Rep., V, p. 58.

⁷² Fin. Rep., V, p. 61.

⁷³ Prel. Rep., V, p. 58.

димому, между узким кругом семей. Следует заметить, что нам не известно ни одного явного случая смешанного брака у членов старых семей, составлявших костяк греко-македонского населения города. В надписях часто встречается имя не только отца персонажа, но и деда, что было, видимо, вызвано желанием продемонстрировать древность своего рода. Однако несмотря на все эти усилия ориентализация греческих семей возрастает медленно, но верно. Наглядным свидетельством этой ориентализации может служить фреска с изображением членов уже известной нам семьи Конона. Ориентализация греков и их последующее растворение среди негреческого населения были неизбежны, но тот факт, что еще во II в. н. э., т. е. более чем через четыре века после основания города, ядро греческих семей Дура-Эвропос, состоявшее, по-видимому, из потомков первых колонистов, продолжало существовать, показывает, как велико было стремление поселенцев остаться греками и сохранить верность обычаям предков.

Надпись из храма Гареуса. Греческое имя встречается и в надписи из так называемого храма Гареуса ⁷⁴, найденной в южной части Урука около маленького храма, снаружи напоминающего греческие строения, внутри — вавилонские. Надпись представляет собой почетный декрет, составленный на хорошем греческом языке. Артемидор, сын Диогена, называемый (*ἐπιχαλοβίμενος*) Миннанай, сын Туфая, следуя обычаям предков, посвятил богу Гареусу участок земли. Община же Долламенов (?) постановила вознаградить Артемидора: установить в храме Гареуса его статую и каждый год в день рождения Артемидора украшать ее венком. Сам же Артемидор должен принести в жертву животное, от которого получит лучшую часть за свое благочестие и благоразумие. Надпись относится к началу II в. н. э., т. е. более чем на сто лет отстоит от последних урукских клинописных документов. За это время в городе должны были произойти серьезные перемены, так как надпись не носит никаких следов местного урукского влияния, что, как мы скоро увидим, совершенно не характерно для Урука более раннего времени. С другой стороны, декрет свидетельствует о стойкости греческих элементов в Уруке: он составлен на греческом языке, найден в храме, снаружи напоминающем греческие постройки, посвяtitель носит греческое имя, обычай воздвигать в храме статую и увенчивать ее — тоже греческий. Однако имена Миннанай и Туфай — арамейского происхождения ⁷⁵, корни имени бога Гареуса, вероятно, следует искать в набатейских надписях ⁷⁶. Вполне возможно, что Артемидор-Миннанай и не был греком. Судя по этому практически единственному письменному памятнику из Урука первых веков новой эры, Урук постигла судьба Дура-Эвропос: сохранение внешних черт греческой культуры при арамеизации населения. Значение этой надписи из Урука неопределимо: она подтверждает, что Дура-Эвропос не была уникальна, арамеизация населения происходила и в глубине страны, охватывая даже древний центр традиционной вавилонской культуры, каким еще до начала парфянского периода оставался Урук. С другой стороны, здесь, как и в Дура-Эвропос, некоторые черты греческой культуры (имена, язык), по-видимому, усваивались достаточно широкими слоями негреческого населения.

Наконец, в официальной надписи с острова Андрос назван *Дромон, сын Фанодема*, вавилонянин, проксен и эвергет города ⁷⁷.

⁷⁴ Meier Ch. Ein Griechisches Ehrendekret von Gareustempel in Uruk.— Baghda-der Mitteilungen, 1960, Bd. I, s. 104—114.

⁷⁵ Винников И. И. Словарь арамейских надписей.— Палестинский сборник, 1965, вып. 13 (76), с. 261.

⁷⁶ Так считает И. Ш. Шифман, по мнению которого имя «Гареус», вероятно, имеет значение «патрон» (устное сообщение).

⁷⁷ IG, v. 12, fc. V, № 715.

№	Имя ⁷⁹	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
1.	Zu[ur]su (Зорос), сын Ni-iq-nu-ru (Никанора)	Раздел участка земли, с севера граничащего с домом Зороса	88 с.э. (224 г. до н.э.)	Урук	TCL XIII, 240: 7; Rut. IV: 7.
2.	A-ri-is-tu-ú-nu (Аристон), сын At-tu-nu	Раздел участка на земле храма Адада. Участок граничит с домом Аристона	94 с.э. (218 г. до н.э.)	Урук	VS XV, 50: 12, 15
3.	Ni-i-qa-nu-ru (Никанор) сын Is-[sar]-tu-ú-nu ⁸¹	Свидетель при заключении контракта по продаже части дома	120 с.э. (192 г. до н.э.)	Урук	VS XV, 47: 30
4.	An-ti-'i-ki-su (Антиохид), дочь Диофанта, жена Ану-убаллита-Кефалона ⁸²	Покупательница пребенды eḡib bīti	начало II в. до н.э.	Урук	VS XV, 7: 5, 11, 14
5.	An-e-ra-am-ma-ta, другое имя которой Ka-ra-tu-ú, дочь Ar-te-mi-du-ru (Артемидора), жена Ta-te-di-du-us-su, сына Ir-ra-nu-ni-qu-su (Иппоника)	Посвящает в храм богов Урука свою рабыню и двух ее сыновей для гончарных работ, во имя Антиоха и Селевка и своей собственной жизни	вероятно, 189—187 до н.э. ⁸³	Урук	YBC 11633*
6.	I-si-du-ur-su (Исидор), сын I-si-te-ú-su	Сосед продаваемого дома на земле храма Адада	144 с.э. (168 до н.э.)	Урук	VS XV, 30: 12
7.	Ni-in-nu-ú-ru (Ниннар?), сын An-dar-ni-qu-su (Андроника)	Сосед продаваемого дома makkir Anu на земле храма богов Урука	146 с.э. (166 до н.э.)	Урук	VS XV, 13: 14
8.	Di-i-ni-'i-si-'a (Дионисия), дочь E-ra-aq-li-di-i (Гераклида), жена Ану-белшуну	Покупательница дома (возможно, раздел имущества)	146 с.э. (165 до н.э.)	Урук	VS XV, 13: 10, 13, 16, 18, 19
9.	Su-ú-sa-an-dar (Сосандр) сын Di-'-du-ur-e-su (Диодора), внук Is-sa-ru-ú-tu-nu (Стратона), урукит	Свидетель при продаже пребенды мясника	150 с.э. (161 г. до н.э.)	Урук	BRM II, 40: 34
10.	I-si-du-ru (Исидор), сын E-pe-su-ti-u-nu (Гефестиона)	Свидетель при продаже пребенды	162—150 г. до н.э. ⁸⁵	Урук	OM V, V: 29

№	Имя ⁷⁸	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
11.	Ni-iq-qu-ú-la-wu ₄ -ú-su (Николай), сын A-pu-ul-lu-ú-ni-di-e-su (Аполлониды)	Сосед продаваемого строения	160 с.э. (152 г. до н.э.)	Урук	BRM II 48 : 8
12.	An-ti-'i-ra-at-ru-su (Антипатр) сын Di-i-du-ur-su (Диодора)	Покупатель дома	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	TCL XIII, 246 : 12, 14, 16, 17; Rut VI
13.	Zu-ur-su (Зорос), сын Qé-ep-lu-ú-nu (Кефалона), внук Zu-ur-su	см. № 14	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	Rut VII : 11
14.	Di-e-mit-ri-su (Деметрий), сын Ar-ki-'a (Архия)	Покупатель участка земли, граничащего с его собственным участком. Назван raliḫ ša Zu-ur-su «почитатель Зороса» (№ 13)	161 с.э. (151 г. до н.э.)	Урук	Rut VII : 3, 10, 13, 16, 18, 19
15.	A-ta-ni-e-du-su, (?Αθανάδης?) сын A-lik-si-e-up-ru-su (Алексиппа)	Продавец недвижимости	возможно 128 г. до н.э. ⁸⁶	Урук	BRM II, 52 : 1
16.	A-ri-is-tu-un (Аристон), сын Di-ip-ra-tu-su (Диофанта)	Свидетель при посвящении Никанором (№ 17) рабыни в храм богов Урука	Парфянский период (упомянуты царь Аршак и его мать)	Урук	BRM II, 53 : 21
17.	Ni-ka-nu-úr (Никанор), сын Di-e-mu-uk-ra-te-e (Демократа)	Посвящает храму богов Урука рабыню, ради жизни царя, своей собственной жизни и народа	То же	Урук	BRM II, 53 : 0, 18
18.	Ke-b-ru-su (Кеброс), сын Tu-ru-il-lu-su (Τορολαος?)	Посвящает раба в храм Нергала	87 с.э. (225 г. до н.э.)	Селевкия -на-Тигре	S II—894 ⁸⁷
19.	Mi-in-an-dar (Менандр), сын ...tu-ú-nu	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	вероятно 224 г. до н.э.	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 21
20.	A-pu-lu-ni-qi-' (Аполлоник?) сын ...tu-ú-nu	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	То же	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 21
21.	[Kur?]-ri-il-lu-su (Κορύλλος?), сын ...tu-ú-nu	То же	»	»	То же
22.	Mi-ni-in-ni-du-ru (Минодор), сын -'du-ru	»	»	»	ОЕСТ 9 26 : 22

№	Имя ⁷⁹	В какой связи упомянут	Дата ⁸⁰	Город	Источник
I	II	III	IV	V	VI
23.	Ur-ru-'-da-mu-lu-su, сын Aq-qa-ta-'-su ([?] Αγαθιας??)	Упомянут в документе по распределению доходов от церемоний, связанных с культом богини Айа	вероятно 224 г. до н.э.	Ларса	ОЕСТ 9 26 : 23
24.	La-a-ti-qi-ru, сын La-a-ti-qi-ru	То же	То же	»	ОЕСТ 9 26 : 22
25.	Ni-ru-tu-(u)-su сын Zu-'i-lu-su (Зоила?)	Упомянут в письме Ану-балассу-инби (управляющего?) своим хозяевам (№ 113) и во фрагменте (№ 114)	?	Урук	Bag M II, 113 : 16; 114 : 3 ⁸³
26.	Ni-ka-nu-ru (Никанор)	См. разд. I статьи	50 с.э. (262 г. до н.э.)	Вавилон	СТ XLIX, 118 : 2
27.	Ik-se-nu-nu (Ксенон)	Вестник правителя страны	I в. до н.э.	Вавилон	AB 244 : 18 ⁸⁹

Греческое имя — далеко не всегда признак того, что перед вами грек, носителями греческих имен могли быть и вавилоняне ⁹⁰. Отличить греков от коренных жителей страны обычно нетрудно, так как у последних, начиная с нововавилонского периода, принято приводить имя не только отца, но и родоначальника. В селевкидское время урукиты (в отличие от жителей Вавилона!) обычно называют трех предков: отца, деда и родоначальника. Человек с греческим именем, но предками-вавилонянами и сам, несомненно, вавилонянин. У греков, как правило, назван лишь отец ⁹¹.

⁷⁸ В эту таблицу включены только персоналии из изданных текстов. Между тем ряд греков фигурирует в неопубликованных контрактах из коллекции Восточного института Чикагского университета и некоторых других коллекций; см. *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 185—190; *Doty L. T. Cuneiform Archives from Hellenistic Uruk. Diss., Yale University, 1977, p. 156, Table VI.*

⁷⁹ Греческая форма имени приводится только в том случае, если отождествление не вызывает сомнений, а само имя зарегистрировано в словаре В. Папе: *Pape W. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. I—II. Braunschweig, 1863—1870.*

⁸⁰ Даты селевкидской эры (с.э.) указаны приблизительно, без учета месяцев.

⁸¹ Имя восстановлено Г. Х. Саркисяном (*Греческая ономастика...*, с. 186).

⁸² Имена мужа и отца в этом фрагменте не сохранились. Восстановлены по неопубликованному контракту A3678, хранящемуся в Восточном институте Чикагского университета: *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 187. См. также: *McEwan G. J. P. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia. Wiesbaden, 1981, p. 118.*

⁸³ Дата не сохранилась, восстановлена издателем по содержанию (годы правления Антиоха III и Селевка IV).

⁸⁴ Документ опубликован в работе: *Doty. Cuneiform Archives...*, p. 87—88.

⁸⁵ Дата не сохранилась, восстановлена издателями по содержанию (упомянуты стартеры Деметрия).

⁸⁶ Дата сохранилась неполностью, восстановлена издателем.

⁸⁷ Документ опубликован в работе: *Doty L. T. A Cuneiform Tablet from Tell Umar. — Mesopotamia, 1978—1979, 13—14, p. 91—98.* Доти считает, что этот документ, найденный в Селевкии, был составлен в Куту, где находился главный храм бога Нергала — Эмеслам.

⁸⁸ *Dijk J. van, Mayer W. R. Texts aus dem Reš-Heiligtum in Uruk-Warka. B., 1980. — Baghdader Mitteilungen, Bh. 2.*

⁸⁹ Документ опубликован в работе: *McEwan J. Arsacid Temple Records. — Iraq, 1981, XLIII, p. 132—136.*

⁹⁰ Вавилонянами мы называем здесь всех коренных жителей Вавилонии, имеющих аккадские имена. Об урукитах с греческими именами см.: *Саркисян. Греческая ономастика...*, с. 197—203. Один из эллинизированных урукитов, правитель города Ану-убаллит-Кефалон, муж гречанки Антиохида, встречается в нашей таблице (№ 4).

⁹¹ Сведения о лицах с греческими именами, но без патронимии в этой работе не учитываются.

Кроме двух текстов из Ларсы и Куту (см. прим. 87), все упомянутые здесь контракты происходят из Урука. Это неудивительно, так как подавляющее большинство клинописных документов эллинистического времени найдено именно там, поэтому и речь далее будет идти почти исключительно об этом городе. Таким образом, греки жили не только в основанных Селевкидами новых городах, не только в Вавилоне, бывшей столице государства, которую Александр мечтал сделать и своей столицей, но проникают и в самую глубь страны, в города древней и традиционной культуры. Первые документы, упоминающие греков, относятся к последней четверти III в. до н. э., однако, возможно, что греки появились в Уруке гораздо раньше. В одном из клинописных контрактов (NCBT 1942)⁹², датированном 270 г. до н. э., в качестве города, где был составлен контракт, названа Антиохия-на-Иштар-канале. Л. Доти, опубликовавший документ, считает, что этот город (по всей видимости, греческая колония) был расположен в окрестностях Урука, так как Иштар-канал был основной водной артерией Урука, а имя писца и других персонажей этого документа известны из урукских архивов. Эти факты навели ван дер Спека на остроумную мысль о том, что Антиохией-на-Иштар-канале греки называли Урук⁹³. Защищая свою точку зрения, ван дер Спек напоминает о том, что Сузы назывались Селевкией-на-Эвлее, а жители Иерусалима регистрировались как антиохийцы. Аргументы в пользу этой гипотезы можно найти и в самой Вавилонии. Так, македоняне, основав колонию на месте поселения Дура, назвали ее Эвропос. Город и его жители названы в контрактах Эвропос и *εὐροπαῖος* (житель Эвропоса), а Исидор Харакский замечает: «Дура, которую греки называют Эвропос» (Isid. Char., Mans. Parth. I). У Плутарха по поводу другого города встречаем: *греки называли* этот город Зенодотион (Plut., Cras. 17). Обычно греки, основывая свои города на месте старых поселений, давали им новые, греческие названия. Однако новое имя, полученное, вероятно, Уруком, не прижилось, его не только продолжают называть по-старому в клинописных текстах, но и в надписях на глиняных буллах и даже в крайне редких упоминаниях античных авторов город назван *Ὀρκοί*. Тот факт, что название «Антиохия» встречается в клинописном тексте в 270 г. до н. э., может, на наш взгляд, указывать на то, что греки появляются в Уруке именно в это время, т. е. в правление Антиоха I, в честь которого и был, вероятно, назван город. Это подтверждают и археологические находки: самые ранние официальные печати из Урука относятся ко времени царствования Антиоха I⁹⁴. С другой стороны, тщательный анализ клинописных текстов привел Л. Доти к выводу о том, что в первые годы самостоятельного правления Антиоха I в Уруке происходят важные административные перемены, связанные с введением ряда налогов и ограничением употребления клинописи, так как сделки, облагаемые налогом, регистрируются теперь на пергаменте или папирусе при участии царского чиновника хреофилакса⁹⁵. Все эти факты заставляют думать, что Урук попадает в поле зрения Селевкидов именно в начале правления Антиоха I: там появляются царские чиновники, проводятся административные реформы, город получает греческое название.

По-видимому, первоначально греки жили в Уруке обособленно, во всяком случае до 224 г. до н. э. мы не находим никаких упоминаний о них в клинописных источниках. Возможно, неслучайно, что в III в. до н. э. греки упоминаются еще не как непосредственные участники сделок или свидетели, но лишь как владельцы участков, соседних с продаваемым

⁹² См. Doty. Cuneiform Archives..., p. 193—194.

⁹³ Spek R. J. van der. Рец. на: Die antike und die altorientalische Komponente im Hellenismus: Beiträge des Kolloquiums.— Bibliotheca Orientalis, 1980, XXXVII, № 3/4, S. 254.

⁹⁴ Rostovtzeff. Seleucid Babylonia..., p. 50.

⁹⁵ Doty. Cuneiform archives..., p. 323—335.

(№ 1, 2). Пик деловой активности греков в Уруке падает на 60-е — 50-е годы II в. до н. э. После завоевания Вавилонии парфянами греки почти исчезают из клинописных источников, впрочем, резко сокращается и количество самих контрактов.

Во II в. до н. э. греки выступают как участники (№ 4, 8, 12, 14, 15) и свидетели (№ 3, 9, 10) сделок, никак не выделяясь среди прочих контрагентов и свидетелей. Однако не все они имеют одинаковый статус. Привлекают внимание двое греков, которые отличаются от остальных тем, что называют имя не только своего отца, но и деда (№ 9, 13). Один из них — Сосандр, сын Диодора, внук Стратона, урукит (№ 9). «Урукит» здесь, по-видимому, употребляется в обычном для грека значении «гражданин Урука» (ср. *εὐροπαῖος*). Быть может, именно поэтому Сосандр приводит имя своего деда: вероятно, уже тот был урукитом, время его жизни должно было приходиться на последнюю четверть III в. до н. э. Другой грек с «длинной» генеалогией — Зорос, сын Кефалона, внук Зороса (№ 13). Если «молодой» Зорос жил в середине II в. до н. э., то время жизни его деда должно падать на последнюю четверть III в. до н. э. В документе, датированном 224 г. до н. э., встречаем Зороса, сына Никанора (№ 1), который вполне мог быть дедом нашего Зороса⁹⁶. По-видимому, дед упоминается в тех случаях, когда уже он был жителем города, и внуки, вероятно, хотят подчеркнуть, что они являются потомственными урукитами. Этот вывод, как нам кажется, подтверждает выдвинутое Г. Х. Саркисяном предположение о том, что взрыв деловой активности греков в середине II в. до н. э. был вызван второй волной греческой колонизации Урука⁹⁷. В таком случае греки, ставшие уже «коренными» жителями Урука, пытались выделиться среди недавно пришедших колонистов, а быть может, что тоже немаловажно, уже переняли вавилонский обычай.

Зорос-младший представляет интерес и с другой точки зрения. Покупатель участка земли Деметрий назван *pa-li-ih ša Zu-ur-su* «почитатель Зороса». Причастие *pa-li-ih* образовано от глагола *pa-lāhu*, который в аккадском языке имеет значение «бояться», «почитать» и употребляется по отношению к богам или царям, в других же семитских языках — значение «работать», «служить». М. Рютан считает, что *pa-li-ih* имеет здесь тот же смысл, что и римское «клиент»⁹⁸. Г. Х. Саркисян переводит термин как «слуга», «работник»⁹⁹. Однако интересно, что этот «работник» был, по-видимому, человеком состоятельным, так как он покупает за 10 скилей серебра еще один участок земли, соседний с его участком, как ясно из текста контракта. *Pa-li-ih* не употреблялось ранее в клинописных текстах как социальный или социально-экономический термин, поэтому логично было бы видеть в нем перевод какого-либо греческого понятия, возможно нам неизвестного. Несмотря на то, что реальное значение термина *pa-li-ih* неясно, — это намек на существование в Уруке середины II в. до н. э. расслоения между греками, расслоения, судя по данному тексту, не имущественного, а скорее социально-политического.

Целая группа греков упомянута в качестве соседей продаваемой недвижимости (№ 1, 2, 6, 7, 11). В нескольких случаях недвижимость эта находится на земле храмов (№ 2, 6, 7). В контрактах всегда указан район города, в котором находится недвижимость, и перечисляются владельцы строений, граничащих с объектом продажи. Из этих текстов видно, что в Уруке, во всяком случае с последней четверти III в. до н. э., не существовало греческой политевмы или квартала, а греки жили бок о бок с вавилонянами, причем часто на храмовой земле.

Особого внимания заслуживают женщины-гречанки, встречающиеся в клинописных документах. Антиохиды (№ 4), дочь Диофанты, была же-

⁹⁶ Саркисян. Греческая ономастика..., с. 185.

⁹⁷ Там же, с. 212.

⁹⁸ Rut. p. 192.

⁹⁹ Саркисян. Греческая ономастика..., с. 189.

ной Ану-убаллита-Кефалона, правителя Урука. Сын Ану-убаллита и Антиохиды был назван в честь деда по матери (!) Диофантом (VAT 16488: : 4¹⁰⁰; BRM II, 53 : 21; 55 : 10, 13, 16). Не следует ли поэтому и в прочих урукитах с греческими именами видеть детей от смешанных браков? Контракт, покупательницей в котором выступает Дионисия, дочь Гераклида, жена Ану-бел-шуну (№ 8), датирован 165 г. до н. э. Имя «Герак[лид]» встречается и на глиняной булле из Урука, датированной 162 г. до н. э. (см. выше). Теоретически возможно, что упомянутый Гераклид и был отцом Дионисии. Мы видим из этих двух примеров, что в Уруке существовали смешанные браки. Однако ситуация здесь противоположна положению в Дура-Эвропос. Урукиты берут в жены гречанок, но нам не известно ни одной вавилонянки (а их в урукских клинописных текстах более двадцати), имеющей мужа-грека. Это, на наш взгляд, указывает на стремление урукитов сохранить некоторую замкнутость своей общины.

Особый интерес представляет документ № 5, где упоминается Анерамата-Карату (№ 5)¹⁰¹, дочь и жена грека, посвятившая в храм богов Урука сразу трех рабов. По-видимому, греки имели основание добиваться расположения храмов, так как кроме Анераматы мы знаем еще два случая посвящения греками рабов в храмы (№ 17, 18).

Нет никаких оснований считать, что греческое население Урука когда-либо было значительным. Судя по числу имен в клинописных документах, греки составляли ничтожный процент жителей города (менее половины процента). Примерно таким же было и число урукитов с греческими именами. Жизнь города в целом осталась прежней, перемены, происходившие там, были результатом внутреннего развития урукской общины, а не прихода греков в Урук. Греческое же влияние проявлялось в основном в области администрации и налогообложения.

Колонизация греками Урука в принципе отличается от предыдущих этапов греческой колонизации и, вероятно, от колонизации греками некоторых других частей Вавилонии. Греки, на протяжении веков даже на чужбине хранившие чистоту своих обычаев и с глубоким презрением относившиеся ко всему чужеземному, «варварскому», теперь практически растворились среди чужого им народа: ведь участвуя в деловой жизни урукитов, живя бок о бок и вступая в браки с ними, греки шли к неизбежной ассимиляции с местным населением.

Нетрудно заметить, что наши столь разные по своему характеру и языку источники и происходят из разных частей страны: греческие содержат сведения исключительно о греческих городах, клинописные — о вавилонских. Разумеется, это не случайно. В эллинистической Вавилонии, по-видимому, существовало несколько типов поселений. Наш материал дает возможность выделить два таких типа: новые, основанные греками города и старые, вавилонские. Каким было население других городов, расположенных на территории Вавилонии, можно лишь догадываться, но, видимо, оно хотя бы частично было арамейским или арамеизированным¹⁰². Основанные греками города — это Селевкия-на-Тигре, Дура-Эвропос и, надо полагать, некоторые другие, о которых нам не известно ничего, кроме их названий. К этим же городам в какой-то степени относился и

¹⁰⁰ Документ опубликован: *Sarkisian G. Kh. New Cuneiform Texts from Uruk of the Seleucid Period in the Staatliche Museen zu Berlin.* — Staatliche Museen zu Berlin. *Forschungen und Berichte.* 1975, Bd. 16, 21 : 4.

¹⁰¹ Р. Цадок считает имя Карату западносемитским: *Zadok R. New Documents from the Chaldean and Achaemenian Periods.* — *Orientalia Lovaniensia Periodica*, 1984, № 15, p. 65. Гораздо убедительнее, однако, мнение И. М. Дьяконова (устное сообщение) о том, что Ка-га-'и-и — это транслитерация какого-либо греческого имени с окончанием -φω.

¹⁰² В Дура-Эвропос, как уже указывалось, подавляющее большинство негреческих имен — именно арамейского происхождения. Кроме того, женские имена, восходившие, возможно, к именам жен первых колонистов из местного населения, т. е. III в. до н. э., — тоже арамейские.

древний Вавилон, где греки обосновались со времени Александра или, быть может, Антиоха Эпифана, которому приписывается заслуга возрождения города ¹⁰³. В этих городах греческое население было значительным, если не преобладающим, там господствовали греческие обычаи, поддерживалась, пусть на невысоком уровне, греческая наука и культура, там пытались сохранить полисный уклад жизни, который был для греков средством сохранить свои социальные и культурные устои, устоять среди негреческого окружения ¹⁰⁴. Селевкия сохраняет связи с материковой Грецией, как когда-то сохраняли связь с метрополией греческие колонисты. К сожалению, нам не известно, какими путями шла колонизация Вавилонии греками: были ли все греки в Вавилонии потомками первых колонистов, пришедших сюда с Александром, или колонизация продолжалась и после образования империи Селевкидов. Несомненно лишь, что Вавилония становится в принципе доступной для любого грека, ведь если философы и писатели уезжали из Селевкии в Грецию и на ионийское побережье, Амфиократ и Архедем смогли приехать в Вавилонию из Афин, а вавилонянин Дромон был прокшеном Андроса, то дорога, протоптанная воинами Александра, не зарастала на протяжении нескольких веков. Все эти факты хорошо согласуются со знаменитыми высказываниями Плиния и Тацита о греческих нравах и обычаях Селевкии-на-Тигре (Plin., NH, VI, 122; Tacit., Ann., VI, 42). Однако не приходится сомневаться в том, что в греческих городах жило и коренное население страны. О том, что в основанную на месте древнего Описа Селевкию была переселена часть жителей Вавилона, сообщают античные и клинописные источники ¹⁰⁵. Невозможно даже предположить, что местных жителей не было в Дура-Эвропос. Что же касается Вавилона, то документы храмовой отчетности свидетельствуют о функционировании храмов и существовании народного собрания при храме. Как уже говорилось, каждый греческий город был, по-видимому, основан на месте какого-нибудь старого поселения, и, следовательно, часть жителей этого нового города составляли вавилоняне. Однако жили греки и вавилоняне, по всей видимости, обособленно, и о последних мы не имеем никаких сведений. Не случайно, впрочем, что в то время как официальные надписи из Вавилона не содержат даже намека на существование в городе местного населения, неофициальная надпись Аристея обнаруживает связи греков и вавилонян, которых не могло совсем не существовать в обыденной жизни. В этом отношении интересно свидетельство Иосифа Флавия о том, что в Селевкии живут в основном греки и македоняне, но также и сирийцы (видимо, имеются в виду местные жители Вавилонии), причем между двумя группами населения часто происходят раздоры (Joseph., Ant. Jud. 18, 372 sq.). Связи с местным населением должны были существовать со времени Селевка I хотя бы потому, что с Александром в Вавилонию пришли в основном мужчины и, надо думать, уже дети первых греческих колонистов не были чистокровными греками. Достаточно вспомнить, что даже сын и наследник Селевка — Антиох I был греком только наполовину. Со временем это привело к неизбежному результату: люди, старавшиеся сохранить внешние черты греческой культуры (имена, язык, обычаи), по сути дела давно уже не были греками.

Другой тип городов представлен Уруком. Сюда же, возможно, относятся такие города, как Ларса, Киш, Куту, Борсиппа, о которых мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями, так как клинописных текстов отсюда дошло очень мало. Это — старые вавилонские города, в которых продолжают жить так, как жили веками, сохраняются старые обычаи

¹⁰³ Античные авторы единодушны в том, что после основания Селевкии Вавилон теряет свое значение и превращается в «пустыню» (Strabo, XVI, 1, 5; Paus., I, 16, 3; Plin., NH, VI, 122).

¹⁰⁴ Кошеленко. Греческий полис..., с. 290.

¹⁰⁵ Plin., LN, VI, 122; Paus., I, 16; 3; Smith S. Babylonian Historical Texts. L., 1924, p. 155, 156.

и жизнь катится по давно привычным рельсам. Неудивительно поэтому, что именно в Уруке не прижилось данное ему греческое название. Грекам, попавшим в Урук, приходится адаптироваться к существовавшему там укладу жизни. Однако греков встречается в урукских клинописных документах так мало, что, видимо, это проникновение и адаптация не были легкими для обеих сторон. Греческое воздействие на жизнь города осуществляется лишь в области административной (мы встречаем там чиновников-греков), но даже правителями Урука были местные жители.

Таким образом, два народа жили рядом, но каждый пытался сохранить устои своей привычной жизни. Так было при Селевкидах и, по-видимому, в начале парфянского периода. В надписях же и документах II—III вв. до н. э. из Дюра-Эвропос и в декрете из храма Гареуса в Уруке греческие имена тонут в море «варварских». Однако это не вавилоняне одержали победу над греками, они, как и их завоеватели, растворяются среди чужих племен, и мы уже нигде не находим даже упоминаний о них.

М. М. Дандамаева

GREEKS IN HELLENISTIC BABYLONIA

M. M. Dandamayeva

The varied and sometimes contradictory conclusion arrived at by classical scholars and Assyriologists specialising on Hellenistic Babylon is explained by the almost exclusive reliance of the former on Greek and Latin sources and of the latter on cuneiform texts. In this article an attempt is made to analyse the prosopographical material relating to Greeks domiciled in Hellenistic Babylon, making use of all the relevant literary sources, i. e. the testimony of classical authors, epigraphic material and cuneiform contracts. The listing (according to date and place of residence, occupation, status and ties with the local population) of Greeks living in Hellenistic Babylonia has been helpful in reconstructing the quality of their life in Babylon and the nature of the relations between Greeks and Babylonians.

Source analysis has shown that the Greeks who founded cities right down to the early centuries A. D., took pains to preserve a polis way of life, which was for them a means of preserving their identity in the midst of a non-Greek environment. In these cities the local population lived apart and are virtually left unnoticed in the Greek-language sources. In the old, Babylonian, cities life went on as usual, Greek influence making itself felt mainly in the spheres of administration and tax assessment. Individual Greeks who landed in these cities had to adapt themselves to prevailing life-styles. For the whole of the Seleucid and beginning of the Parthian period Greeks and Babylonians lived independently of one another, each group bent on preserving the basic principles of its traditional way of life. In the first centuries A. D. Greeks and Babylonians seem finally to have coalesced and merged with the Aramaic population. The outward features of Greek culture are artificially preserved for a time but the bearers of this culture have very little in common with Greeks.